Письмо брату

Привет, Артём. У нас всё хорошо.
Вчера похолодало, снег пошёл,
с утра телёнка в сени запустили.

Отец не пьёт, из дома ни ногой,
всё ждёт тебя. Да, ты ж у нас какой,
родней семьи – то джунгли, то пустыни.

Ты снился мне: обрыв, тропинка вниз,
бежишь по ней, кричу тебе: «вернись!»
и падаю в траву, теряя силы.

Вдруг лес зашевелился, стал живым,
а ты ему командуешь: «бежим!» –
и вздрогнули берёзы и осины,

послушно побежали за тобой,
попарно, в одиночку и гурьбой,
но замерли внезапно у границы –

в их кронах загорелся стыд и страх,
и плакали в беспомощных руках
привыкшие к родному месту птицы.

Потом я вынимала из золы

обугленные мёртвые стволы
и красила зелёным, чтоб не броско.

Приснится же такое, ну дела!
...твоя Полина снова запила,
вчера весь день стояла у киоска.

Я снова без копейки – третий год.
Весной поеду в город, на завод,
сбегу из-под родительской опеки.

Ещё про сон... я стала хоронить
стволы... чудно, конечно... но они
давали тут же новые побеги.

***

Незрелый март, как взрослый, пунктуален,
но как дитя, капризен и несмел.
Всё глубже дышат скважины проталин,
тяжёлый снег под солнцем разомлел.
Мыть окна в марте холодно и рано,
но хочется закрасить и забыть
расщелины в потрескавшихся рамах
и собственные линии судьбы.

Сюжет весны непрост, но постоянен:
я предана пожизненно земле,
как косточка, и корень, и крестьянин,
вода болтлива, камень не истлел,
струится в небе жилка золотая,
играет слово нежное во рту,
но я его, не высказав, глотаю,
в себе укореняя немоту.

Мятежный март сродни моей природе.

Я слышу всё отчётливей весной,
как тает снег и как в бутылках бродит
не выпитое за зиму вино.
Откуда знать мне, что это за время,
где выход, где начало – не пойму.
И каждый день – мелькнувшее мгновенье,
живое, но спешащее во тьму.

Надо мной – земля

Ты меня по имени не зови,
мы с тобой случайные визави –
две беды в прокуренной тишине.
...А меня вне города больше нет.
Я дитя его – у него внутри,
и смотрю глазами его витрин
от Базарной площади до пруда.
Я теперь из города – никуда.
От Никольской башенки – до Кремля
подо мной – земля,
надо мной – земля.
Я теперь – дыханье крылатых львов,
папиросный дым, перегар дворов,
колокольный звон и колёсный скрип,
я – нектарный флёр златоглавых лип.
У меня в ладонях –
прохлада луж,
у меня в гортани –
сквозняк и сушь.
Ты привык по имени... Ну и что ж!
Отними у памяти, уничтожь,
вырви восемь звуков, сожги, развей,
без любимых слов – забывать быстрей.
Я тебе ни сродница, ни жена,
не тобой наказана-прощена.

Я – вьюнок, примятый твоей ногой,
и трава, и корни, и перегной,
серый мох, крадущий тепло камней...
Ты, когда остынешь, придёшь ко мне.

Берендеево лето

У дачной жизни праздничный уклад,
здесь каждый дом распахнут и крылат,
до самых звёзд плетётся виноград,
пылают астры.

Здесь так легко – босым, как берендей,
идти к пруду по тёплой лебеде,
потом пугать в задумчивой воде
мальков глазастых.

Здесь ночью прилетает птица-тишь,
и слышно, как спешит в ловушку мышь,
как лунный свет стекает с жарких крыш
в кусты сирени.

Здесь каждый день – входной и выходной,
здесь каждый дачник – новый летний Ной,
кусочек суши под его ногой -
его спасенье.